

1.

Эта мысль довольно нелепа.

Была бы не очень удачной шуткой когда б не такое горе.

Мне говорят: в ваших мыслях лепра.

Вам надлежит, соблюдая спокойствие, отправиться
в лепрозорий.

Это боги жаждут чтобы все болезни назывались по латыни:

им это лестно.

Ваш недуг установлен Организацией Окончательных Диагнозов.

Анализы в личном деле — как Вам известно,

все бумаги снабжены грифом «никому не показывать».

Я прокажён, и ты прокажён, и он прокажён,

у нас маленькое складывается братство,

своё землячество, свои чудачества, свои святцы,

свои удачники, неудачники, святотатцы.

Сами печём свой хлеб. На наш остров в Аральском море

привозят одну газету, четыре журнала, нормативные списки
работ.

Наш долг перед обществом — не заражать других,

да здравствует лепрозорий

и наш отверженный, самоотверженный, изолированны народ.

Нам нельзя говорить и думать о том, что нельзя.

В этом-то вся и болезнь, нас от этого лечат, поэтому здесь мы...

Говорят, имеется новое средство — от него не слезятся глаза,

без тошноты перестаёшь думать и легко поспедаешь Песню.

Правда, со временем всё тяжелее моей голове.

Думаю: какую надпись мне попросить

написать на жестяной табличке, что утонет в траве

после того как меня закончат в ней хоронить.

Я придумал много красивых надписей, целый том.
И в каждой из них я благодарен за
то, что ни в холодные страны, ни в жаркую камеру,
ни в сумасшедший дом —
а сюда поселили меня. Что у меня осталось, так только глаза,

а всё остальное изменено болезнью, всё абсолютно,
помню как все шарахались от меня на бульварах, в редакции
и полиции,
шептали хором, шуршал по пятам мой диагноз, и я знал,
что однажды утром
меня, наконец, отправят к единомышленникам лечиться.

С ними, наверное, довольно похожая получилась история.
Обидно, что мы не можем общаться, и что они пишут в уме,
я не узнаю.
Но кажется, они тоже весьма благодарны, особенно судя
по Песне. Тем более
что теперь нам никто не мешает...никто не мешает...никто
не мешает...

Мы умираем очень легко, молодыми. Наш главный врач живёт
очень долго.

Значит, так: что же будем делать пока ещё живы?

Может быть.
.
.
.

2.

Один у нас был, он придумал такое дело:
всем вместе сделать дыру в стене и поплыть до конца.
Или выломать вертикальный тоннель в земле этой белой
такой глубины, чтобы свет забрезжил с другого конца.

Все так удивились, когда в газете прочли про это.
Он просто исчез. Все думали, может он уже помер.
Просто исчез, не вышел на завтрак, не вышел к обеду,
а на ужине уже все забыли его пятизначный номер.

Но мы же не дети, не идиоты, не дон-кихоты,
мы же видим, что нет программы и нет идеи,
и знамени нет, и, по-правде, даже охоты
уж очень большой — класть жизнь на эти затеи.

Мы знаем, что мы больные, и слава богу,
и мы больные, и все больные, но те скрывают.
Скоро они нас сменят. Мы прокладываем дорогу.
Мы заняты делом. Нам никто не мешает.

Мы всё делаем честно, мы живём без стыда и позора,
а как мы живём, так вокруг, вроде, лучше и нету.
На большой острв готовятся перевести лепрозорий,
и так далее, концентрически. Сейчас будет рифма: планету.

3.

Вот ещё, предположим, один уцелевший фрагмент.
Назовём его по порядку номер четыреста третий.
В нём рассказывается один инцидент:
шёл дождь и шумел ветер.

В одинокую нашу больничку, на краю, у восточного края Стены
привезли девочку лет четырёх, её растерзали собаки,
врачи её шили с восьми утра до пяти тишины,
потом потеряли. И никто не плакал.

Говорят, у неё были порваны глубокие вены на обоих ногах,
прокушена дважды промежность, в клочья разорван рот,
разорваны мышцы предплечий, кожа содрана на плечах.
По латыни смерть называется словом «экзитус», что означает
исход.

Сторож колхозного сада, вольнонаёмный алкаш,
он распустил своих псов, овчарок огромной породы,
дита шло мимо. В конторе шептались: какой пассаж...
Головами качали: но, по правде сказать, эти дети такие уроды...

Милые боги, следящие за размноженьем и погребеньем!
Что вы делаете там у себя наверху?
Терзаете лютню? смакуете сплетню? сражаетесь с ленью?
Надо, наверное, выкинуть эту строфу.

А наши дела ничего. Этот год все надсаживаются в карьере.
Многим трудно — разбиты очки и раздавлены пальцы.
Но они помалкивают. Ни в коей мере
не следует думать, что они хотят отказаться.

Что у нас хорошо? — то, что все мы в одной бригаде.
И даже не важно, что переговариваться запрещено.
Довольно даже сознания — тот, что сзади,
в спину кирку не всадит, вы же с ним заодно, за одно:

сидите, стоите, лежите, пьёте, блюёте,
берёте, даёте, несёте, рыдаете даже,
получаете пищу за ударный свой труд на работе.
Трудно переоценить, насколько всё это важно.

С транспортом, правда, у нас не очень налажено:
все машины едут туда, куда нужно шофёру,
они у нас привитые, привилегированные, богатые страшно,
не всегда понимаешь, куда везут, в карьер или в город,

а от этого несколько жутко: собрался в гости —
и на тебе! а отвертеться просто немыслимо.
Вот и ходишь по крупному щебню в парадной кофте
и скандируешь про себя нормативный список.

4.

Самое главное, впрочем, у нас — очистные сооружения. Там сосредоточено всё командование, там штаб настоящий: двое дежурных в зелёной будке, с вооружением, круглосуточно, молча, не двигаясь, в стужу и зной палящий.

Человеческий кал, голубиный помёт, возможно, конские яблоки, всё это, они считают, очень сильно заражено. Им периодически доставляют в специальном ящике секретные циркуляры, секретные дополнения и другие бумаги, гриф: гуано.

У них огромные метан-тэнки, отстойники, уловители, сетки. Песчаные фильтры, биофильтры, психофильтры, замыслофильтры.

И если они обнаруживают вашу метку, то промывают желудок раствором чилийской селитры.

А это малоприятно. Поэтому редкий из нас свои обиды и мысли чтобы спрятать, глотает. Мы делаем так: превращаем их в газ и вдыхаем, покуда силы в бронхах хватает.

Тот, кто вызвал тебя и говорит, что он с очистных — это слышно по запаху, нет даже нужды сомневаться — страшнее любого несчастья из возможных земных, с ним нельзя ни ругаться, ни драться, ни объясняться.

Так что спокойно закрывай глаза и подставляй глотку. Можешь протестовать, это ничего не меняет. Они подключают тебя, а сами идут пить водку. Потом возвращаются, и если готов, то отключают.

Самого главного их начальника не видел никто, они сами тоже. Но все знают, что он существует. Из этого дома, который в центре, на улице номер Сто, он казнит и милует и в ус не дует.

Спасибо, хпдим без наручников. Их сняли лет двадцать назад. Того, кто это устроил, самого уже сняли за это. Но новый начальник грозит вернуть их назад. А тот, кто его сменил, обязательно сделает это.

5.

А вообще-то здесь ничего ужасного нет.

Многие из нас даже живут с красивыми женщинами.

А тем, в свою очередь, позволяется готовить обед,
стирать бельё и торговать между собой разной ветошью.

Иногда хитрят те, у кого осталась вдали семья.

Начинают утверждать, что жена и дети точно так же заражены.

Их допрашивают, где надо, всё выясняется, и тогда
их присылают, и он их встречает у южной части Стены.

Но это трудно и хлопотно. Многие жёны, узнав,
пишут расписку, что мужа им больше не надо,
а многие давно уже отказались, и все заявления зря,
и тогда к южной части Стены возвращают одни бумаги.

Мы живём относительно мирно. Каждый сам себе партия, сам
себе вождь.

Очень редко кто-то из нас закладывает другого.

Но если это и происходит, то в первый же дождь
он публично кается на Площади Старой, на улице номер Сто,
и, наконец, на Площади Новой.

Однако это случается крайне редко, я повторяю.

И чаще всего по вине стукачей с очистных.

Поймают, в общем, невинного, и так допрашивают,
и расспросами, и анализами, и записями, а частенько и врежут
под дых

или по яйцам. Дьявольски больно. И люди ломаются надвое,
я бы сказал, расщепляются. Мне лично их жаль, они же больные.
Действительно, время нынче какое-то адовое.
Но жизнь ничего...как-то живём
ведь...живые...живые...живые...

6.

Смертной казни у нас нет. У нас другие обычаи.

Высшую меру получает тот, кто вопреки всем законам

что-то напишет.

Если это становится известно, то его присуждают к публичному
вскрытию.

Но сначала всем демонстрируют, что приговорённый уже
не дышит.

Делается это так: на сутки его с головой погружают
в мелко измолотую стеклянную стружку и свинцовую пыль.

Редко кто после этого выживает.

Официально всё вместе носит название Большой Водевиль.

Весь остров собирается в 9. 30 ближайшей субботы
на Площади Старой.

Судья зачитывает приговор, уходит, его место занимает главный
прозектор.

Труп привозят в фургоне, запряжённом ритуальной парой:
тот, кто догадался первым, и не донёс, и бывший первый
островный лектор.

Этих двоих потом помещают в голодный дом.

Хуже лектору: он страдает почти напрасно, но как иначе?..

Он ведь приехал, поддавшись призыву гнать крамолу поганым
помелом,

да и платить обещали прилично, а вляпался ни за хрен собачий.

Обычно сначала мы все поём Песню. Потом начинается вскрытие.
Разрезом от ямки между ключицами, обходя пупок слева, вниз
до лобка.

Затем беременным и кормящим разрешается отойти в ближайшее
укрытие,

а юноши и мужчины могут перекурить слегка.

Потом отделяют кожу в области грудной клетки.
 Пропиливают грудину с обеих сторон и ставят её вертикально.
 Раньше на этом этапе детям бесплатно давали конфетки.
 Но теперь это отменено бумагою специальной.

Вынимают, пересекая корень языка, глотку и пищевод,
 трахею, бронхи, оба лёгких, сердце, дряблое от сопротивления
 Песне,
 пересекают диафрагму, и, так, чтобы отчётливо видел народ,
 извлекают желудок с кишечником, печенью и селезёнкой
 вместе.

Вскрывают очень медленно, вдумчиво, тщательно,
 чтобы от окружающих не укрылось ничто.
 Особенно сердце и лёгкие смотрят внимательно:
 не спрятан ли там исписанный почерком приговорённого
 тетрадный листок.

Обычно комплекс внутренних органов, включая нижний этаж,
 внешне не изменён, что совершенно естественно.
 Но всё равно отрезают отовсюду по маленькому кусочку,
 таков инструктаж
 и отправляют на гистологию в лабораторию местную.

Сособым тщанием пилят череп и вынимают мозг.
 Ищут отёк, полнокровие, читают в иероглифах извилин.
 Это важнейший момент, он технически очень непрост,
 это решающее доказательство вины осужденного
 в каждом Большом Водевиле.

Обычно ничего не находят, и тогда
 диагноз «проказа мысли» считается установленным.
 Всех отпускают писать протоколы к себе по домам.
 На завтра они сдаются в четырёх экземплярах по схеме
 оформленными.

На моей памяти это было три-четыре раза... Не лучше ли просто
 исчезнуть,
 как тот, о котором давным-давно мы читали в газете?
 Ломать над этим вопросом голову бесполезно.
 У нас давно уже запретили думать над этим.

7.

Как и всюду, у нас имеются сложности в еврейском вопросе.
Их немного, но они норовят пролезть повсюду.
Каждый вторник мы слушаем лекцию «Новое в юдофобстве».
А один из журналов, что нам привозят, называется
«Проклятое племя Иуды».

На очистных, так там вообще сдают экзамен по антисемитизму.
А когда болеет главный врач или кто-то ещё,
всем евреям ставят очистительную клизму
с наждаком и стиральным порошком.

Евреев бояться брать на умственную работу, например,
в контору.
А в карьере они мёрзнут больше других, особенно с октября.
И уже среди нас появляются речи, из которых
становится ясно, что лекции нам читали не зря.

Конечно, хуже всего их детям: это как дробь:
в числителе им не дают учиться — в любом проявлении,
а в знаменателе — жёлтыми звёздами обклеенный гроб:
ни языка, ни культуры, ни веры — и уже во втором поколении.

Последнее время они говорят, что должны
жить в лепрозории своей исторической родины.
Поэтому им требуется покинуть пределы, где они родились,
страны,
могучей и восхитительной как преисподня.

Очень долго даже тот, кто покрепче, добивается своего,
долго сидит наготове.
Наконец, получив разрешение, всё снимает с себя и в ужасе
уезжает.

За это время каждый в обязательном порядке сдаёт по пять
литров крови.

После этого их надолго уже не хватает.

Есть и такие, а их немало, кто хочет сменить национальность.
Обычно они мотивируют это заботой о счастье детей.
В наших условиях это просто, доступно и вполне реально.
Все бумаги оформляются примерно за четырнадцать дней.

Этот обряд у нас называется восстановлением крайней плоти,
по латыни — «дециркумизио», боги утешены.
Он, конечно, публичный, но смотрит его, кто захочет.
Добровольцев таких немного, в основном это девушки
и незамужние женщины.

Для пластики используются консервированные и искусственные
ткани,
твёрдая мозговая оболочка и синтетический акрил.
Обезболивание применяется только по желанию.
Эта процедура официально называется Малый Водевиль.

У тех, кто в силу различных причин
попал сюда необрезанным, это чаще всего молодые,
всё затягивается несколько дольше, занимая месяца три,
первый — негласный — этап: обрезание, а потом — как и все
остальные.

У кого пришивание крайней плоти прошло успешно,
или, как шутят у нас бывавшие в море, кому нарастили конец,
сам выигрывает немного, но дети его, конечно,
с благодарностью скажут
когда вырастут, —————: — Спасибо, отец.
будут вынуждены сказать

Хочется тихий, багровый, в басовом регистре финал.
Столп соляной из восклицания превратить в вопрошение.
Зачем молчал и кому, наконец, сказал?
Общественному мнению?

До безумия больно покинуть мать и отца, жену и сына,
пастушеский завтрак, тёплый дом, заблуждение жить.
Устав от печали и гнева, распрямляю затёкшую спину.
Ничего нельзя изменить.

Все получают когда-нибудь по заслугам,
в зависимости от умения — более или менее.
Я претендую на безымянную гибель под плугом
исторического ослепления и оскопления.

Я претендую на молчаливое несогласие,
неприсоединение в известном смысле.
Не уверен, что в наше время его достаточно,
но на большее не хватает мужества мысли.

Остается ждать — зацветет ли затупившийся лом
Или все что осталось — это смех во тьме попояс
И штурм Бастилии за кухонным грязным столом,
Пустым как Северный полюс.

Слишком долго я расчёсывал на груди эту чёрную родинку,
и содрал. И она кровоточит, и я подписал сам себе приговор.
Не знаю, уместно ли тут слово (рифма) р о д и н а,
но отчётливо слышу как щёлнул ружейный затвор.

Время рожденья вопросов и время смерти ответов.
Девуцы Поэзия и Правда, пожалуйста на панель.
Время размножения сумрака, время разложения света.
Несущаяся, остывающая, червивая колыбель.

Ялта,
весна 1977 г.